

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

**ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА**

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

СВАДЬБА ПУШКИНА И МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ¹

I

В конце 20-х и начале 30-х годов XIX столетия Московский университет находился в незавидном положении. Административные порядки были крайне плохи. Лекции большинства профессоров мало кого из студентов могли удовлетворить; на многих кафедрах доживали свой век старики, целиком выхваченные из XVIII века и совершенно не затронутые грандиозными движениями первой четверти XIX века. Среди профессоров было немало монстров; их университетские похождения, о которых рассказывают современники, кажутся нам прямо баснословными. Но в это время уже появляются признаки оживления, обозначаются новые веяния — предвестники возрождения Московского университета конца 30-х годов. Это оживление в значительной мере объясняется тем, что университет в лице некоторых своих представителей сохранял живые связи с литературой. Профессора университета Каченовский, Погодин, стояли во главе важнейших журналов того времени: «Вестника Европы» и «Московского Вестника»; Надеждин принимал деятельнейшее участие в литературной жизни, сначала, как сотрудник «Вестника Европы», и затем — издатель «Телескопа». Это обстоятельство немало, конечно, содействовало тому, что литературные интересы в московском студенчестве были живы и сильны. В 1829 — 1831 году в Московском университете был Белинский; он жил на казенном кошту («в 11 номере»). Его товарищ по университету и 11-му номеру, Прозоров, передает следующие подробности о литературных интересах современного ему студенчества: «Умственная жизнь в студенческом кругу особенно в 11-м номере шла бойко, спор о классицизме и романтизме еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее решение этого вопроса Надеждиным, в его докторском рассуждении о происхождении и судьбах поэзии романтической...

---

¹ Первоначально в журнале «Исторический Вестник», 1904 г., апрель стр. 207—222. Здесь статья исправлена и дополнена.

И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшие между собою на словах. Некоторые из старых студентов, слушавшие теорию красноречия и поэзии Мерзлякова и начитанные его переводами из греческих и римских поэтов, были в восторге от его перевода Тассова «Иерусалима» и очень неблагоприятно отзывались о «Борисе Годунове» Пушкина, только что появившемся в печати, с торжеством указывая на глумливые о нем отзывы в «Вестнике Европы». Первогодичные студенты, воспитанные в школе Жуковского и Пушкина и не заставшие уже в живых Мерзлякова, мало сочувствовали его переводам и взамен этого знали наизусть прекрасные песни его и беспрестанно декламировали целые сцены из комедии Грибоедова, которая тогда еще не была напечатана: Пушкин приводил нас в неописанный восторг». ¹

В атмосфере литературных интересов и споров возникают и зреют попытки самостоятельной литературной работы, которые обычно находят себе место в рукописных юношеских журналах. И в Царскосельском лицее времен Пушкина, и в Нежинском училище высших наук времен Гоголя процветала журнальная деятельность. Не боясь ошибиться, мы в праве предположить, что и среди московских студентов в отмеченный период оказались издатели и журналисты. К сожалению, юношеские журнальные опыты не долговечны и редко сохраняются, а они имеют несомненный интерес, свидетельствуя о литературных симпатиях и антипатиях их авторов, о степени распространения и значения современных литературных деятелей. В настоящей статье мы намерены познакомить читателей с одним из таких рукописных журналов, пока единственным, дошедшим до нас из периода начала тридцатых годов. Этот журнал в свое время был предоставлен в наше распоряжение П. А. Ефремовым, а теперь находится в Пушкинском Доме.

Этот журнал был приобретен П. А. Ефремовым вместе с другими бумагами Вас. Фед. Щербакова, знакомого Д. А. Ровинского, К. П. Победоносцева, А. Н. Афанасьева и М. П. Погодина, с которыми был знаком еще отец В. Ф. Щербакова. ² Этот Щербаков, по словам П. А. Ефремова, был страстным любителем книг; у него была обширная библиотека, заключавшая в себе порядочное количество рукописей. У П. А. Ефремова находится замечательная тетрадь, писанная Щербаковым в Москве на бумаге 1818 года. В этой тетради выписаны,

¹ А. Н. Пыпин, «В. Г. Белинский, его жизнь и переписка». СПб. 1876, т. I, стр. 49. Из других воспоминаний, относящихся к 1828—1832 гг., укажем: «Воспоминания К. Аксакова» («День», 1862, № 39—40), и отдельно, изд. «Огни». «Воспоминания студенческой жизни» Г. Г. «День» 1863, № 42), Я. И. Костенецкого («Русский Архив», 1887, т. I и II) и, конечно, воспоминания А. И. Герцена в «Былом и думах» и И. А. Гончарова в «Сочинениях».

² Сведения о Щербакове извлечены из сообщений П. А. Ефремова в примечаниях на сочинения Пушкина (изд. А. С. Суворина, т. VIII. 1904).

главным образом, стихотворения Пушкина, большей частью, из числа не попавших в печать, и притом в сравнительно полном и верном тексте. П. А. Ефремов делает предположение, что Щербаков получил стихи Пушкина или от Погодина или от кого-нибудь из близких знакомых Пушкина. Но в тетради оказались не только стихи, но и еще листки с заметками о пребывании Пушкина в Москве в 1826 — 1827 годах и с рассказами о нем. Все это указывает на то, что Щербаков очень интересовался личностью поэта и был близок, если не к нему, то к окружающим его.

В бумагах Щербакова нашлось приглашение подписаться в складчину в 1831 году на журналы. «В следующем 1831 году — так начинается это приглашение — будут выходить в Москве два литературно-ученые журналы 1-й — «Телеграф», издатель его опытный человек, закаленный в бурях прошедшего двадцатипятилетия; 2-й — «Телескоп» с прибавлением «Молва», издатель доктор изящных наук и автор диссертации о романтической поэзии Н. Надеждин. Гг. желающие обеспечить себя литературными новостями с меньшими для кармана издержками благоволят на подписку упомянутых журналов согласиться на следующих условиях». Далее изложены правила подписки и чтения для «акционеров предприятия»: так назвали себя участники общей выписки журналов. На приглашении можно разобрать следующие подписи изъявивших желание участвовать в сем общепольном предприятии: В. Давыдов, А. Недремский, В. Щербаков, Л. Ребинченков, Сорохтин и Б. Берс. Можно с большим вероятием предположить, что эти лица составляли ближайший круг знакомых Щербакова и принимали участие в журнальной деятельности.

Рукописный журнал, найденный в бумагах Щербакова, называется «Момус». При номерах журнала оказалось и объявление о журнале следующего содержания:

«В 1831 году будет издаваться газета литературы и новостей «Момус». Формат газеты infolio; выходит каждую неделю по пятницам. План ее следующий: I. Изящная словесность. Проза: повести, сказки, извлечения из путешествий и пр. Стихотворения: отрывки из романтических и классических поэм, элегии, послания, баллады, песни, эпиграммы и сатиры. II. Нравы. Наблюдения по примеру Жуи и Ружмона. III. Критика: разборы сочинений словесных, письменных и печатных. IV. Новости: происшествия, случившиеся в кругу редакторов и читателей Момуса, эстетические анализы модных московских костюмов, модные обычаи и книжные известия. V. Смесь: пародии, шутки, карикатуры, анекдоты, острые слова, скороговорки, обмолвки и недомолвки. К некоторым номерам будут прилагаться портреты, карикатуры, чертежи, очерки и снимки (facsimile) с почерков великих в своем муравейнике. Эту часть принял на себя известный рисовщик Э. Фаев.

Наружное выполнение газеты будет производиться в стенографии г. Н. «Nota bene. Эпиграф газеты. Брось взгляд на Момуса с противоположной точки — и ты увидишь, что он с умом. *Аноним*».

Понятно, журнал распространялся, главным образом, в тесном товарищеском кружке. Журнал печатался или, как выражалась редакция, стенографировался всего на всего... в одном экземпляре. Объявляя подписную цену по шесть листов белой и по шесть серой бумаги, издатели заявили, что «так как будет выходить только по одному экземпляру газеты, то гг. подписчики будут ее получать последовательно по старшинству подписки и внесения установленной цены». Вышло всего пять номеров «Момуса»: издание было прервано, так как сохранился лист с началом № 6 — 13 за март и апрель 1831 года. Экзамены, а, быть может, и известная демонстрация на лекции профессора Малова, бывшая как раз весной 1831 года, прекратили деятельность юных журналистов. На каждом номере имеется предупреждение: «по прочтении отдать редакторам». Так как не только все вышедшие номера, но и не вышедший номер оказались в бумагах Щербакова, то можно думать, что Щербаков и его ближайшие друзья и знакомые были редакторами и издателями «Момуса».

Впрочем, журнал был известен и за пределами кружка: в первом же номере редакторы просили «особ, имеющих до них надобность, оставлять письменные требования в прихожей, в ящике стола». Любопытно, что пример «Момуса» вызвал даже подражания. По крайней мере, в 4 номере «Момуса» встречаем следующее объявление с эпиграфом: «Ах, урод! ах, урод! Не берись за перевод (хвалебная песнь переводчику Шиллера). — Недолго Момус прыгал один по пустынному полю скорописной журналистики; недолго обращал он нераздельно внимание читателей своих. Чу! издали едет на долгих урод! Да, мм. гг., урод! так, по крайней мере, по слухам звали до крещения единственного нашего соперника. Но говорят, что восприемники назвали его Людифером (по последним известиям Мефистофелем) и повили, вместо пелен, обертками эфемерного Альманаха. Милости просим, незванный гость! Не смеем называть тебя братом: ты, кроме чернил, переводишь повести, а мы помещаем, хоть дурное, свое. Ждем с нетерпением, которое верно разделят с нами читатели наши — 1 февраля: тогда только увидим мы чорта, которого до сих пор знаем по слуху. Момус до того самолюбив, что приписывает себе рождение Мефистофеля. Не знаем, кто был его матерью; боимся, чтобы не зависть разделяла ложе с насмешливым нашим божком. Во всяком случае мы твердо уверены в успехе новых листков: печатная известность одного из редакторов ручается за достоинство скорописного журнала».

В пятом номере помещен отрывок из письма в редакцию

от 10 февраля. В нем сообщены следующие подробности о судьбе «Люцифера»... «Вероятно, вы не знаете, что в пусто-порожней голове одного долговязого юриста зачал враг Момуса — Люцифер. Этот враг вследствие сильного испуга был выкинут прежде времени, и, разумеется, несовершеннолетним. Родитель его... кажется, Фаев... в подражание громовержду Зевесу, который донашивал своего Диониса в лядвее, пригрел бедненького чертенка Люцифера близ своего сердца в широком раздолье бокового кармана. Зародыш, проникнутый родительской теплотой желтого жилета, видимо, стал принимать формы чудных жителей фантастического мира, существующего в пьяных головах многих немецких трансцендентальных идеалистов: уже сквозная головка маленького Люцифера качалась по воле посторонних причин на маленькой шейке; уже он с приметным плачем пробовал питательных соков — сиречь материалов, — которые иссякли в головах его кормильцов; уже когтистые ручки его не раз драли за нос родителя и сдергивали золотые очки его; уже зародыш чертенка стиснул кулачек для нанесения удара веселому богу шуток и смеха Момусу... как от чрезвычайного напряжения еще не развившихся сил он испустил дух, не дождавшись образования своих ножек, своего хвостика»...

Редакторы присоединили к письму свой ответ: «Чувствительно благодарим г. корреспондента за доброе мнение о нашем Момусе и за доставление чувствительного описания смерти Люцифера, который вышел бы весь в родителя и силами телесными и... *no de mortuis aut bene aut nihil*».

II

Обратимся к содержанию «Момуса». Нечего, конечно, говорить о том, что редакторы «Момуса» во всем подражали современным журналам: «Московскому Телеграфу» и «Телескопу». В «Момусе» мы найдем отдел «изящной словесности» со стихами и прозой, критики, нравов, библиографии, смеси, анекдотов и объявлений.

В отделе критики встречаем подражание критическим рассуждениям Надеждина — рассуждение о «предмете и вещи». В результате исследования автор статьи дает следующее определение вещи и предмета: «вещию, не трогая Юстиниана, называется все то, что занимает место в пространстве; а предметом — все, что подлежит умственному или чувственному взору». В отделе библиографии, в 5 №, Клим Букинистов дает следующий легко написанный, любопытный «Взгляд на альманахи 1834 года».

1. Северные цветы нынешнего года вялы и бесцветны, в них попрежнему вплетен обзор русской словесности, сплетенный Сомовым, который заступил место обзоров художе-

ственных произведений Плетнева. Жаль, что сам издатель не подарил нас лебединой песней.

2. Невский альманах более, чем прежде, отзывался неводской водой.

3. Альманах анекдотов. Сбор иноземных и родных ошибок, простодушных ответов и вопросов, глупостей, насмешек, иногда довольно смешных. Число подписчиков громко говорит, что труды Зейделя приняты публикою радушно; и не мудрено: публика есть автор большей части этих анекдотов, а когда же авторы были не самолюбивы?

4. Метеор напечатан на весьма мягкой бумаге, за что издатель имеет полное право требовать благодарности от любителей, если не приятного, то, по крайней мере, полезного чтения.

5. Северное сияние. Громкий титул! Мы посоветовали бы издателю быть поскромнее и назвать свой сборник просто мышинным огнем.

6. А льци о на...

... я покидал верхушку Геликона.
Он в альманахах, мне казалось, утопал;
За мной и надо мной стенола Гальциона,
Но я ее, признаться, не видал.

В отделе изящной словесности «Момуса» помещено пять стихотворений: две элегии, стансы, эпиграмма и куплеты на 1831 год. Для характеристики поэтических талантов сотрудников достаточно привести одно стихотворение, полное намеков, для нас неясных: «Куплеты на 1831 год».

Что меж нами изменилось,
Поглядим скорей, друзья:
Сердце чье сильней забилось,
А чье сжалось стена?
Любовь Фаева манила,
Обещала вкусный плод,
Но Лизета изменила ...
Фаев грустен в новый год.
К награжденью представляли
З в о н о в а et setega;
Все заслуги вычисляли:
И достоинство пера,
И исправность в исполненьи,
И бесчисленность забот;
Но что толку в представленьи —
Обманул их новый год.
Наш потомок знаменитый
Все о предках толковал,
И свой род преименитый
Выше цесарей считал.
Все о вотчинах старался,
Лбом лопился в знатный род;
Но попрежнему остался
С позументом в новый год и т. д.

Художественная проза «Момуса» представлена двумя рассказами, написанными Простодушным: Шапка Невидимка и Злая хозяйка квартиры. Эти рассказы не представляют ничего интересного, и потому мы проходим их молча.

Студенты-литераторы подметили все характерные особенности современных журналов и не забыли в своем журнале воспроизвести обычные в тогдашних «толстых» журналах отделы анекдотов, смеси, объявлений и корреспонденций. При втором номере была приложена карикатура, изображавшая редакторов «Момуса», при следующем объявлении: «Мы обещали читателям нашим осмеивать странности не в одних нравонаблюдениях и эпиграммах, но и в карикатурах, почему манием жезла Момуса, олицетворяем прежде всего редакцию наших листков. Надеемся, что после такого самоотвержения читатели не оскорбятся, ежели встретят иногда некоторые черты нравственного и физического своего лица в живописных погрешностях патрона нашего еженедельника». При третьем номере была приложена другая карикатура, очевидно, изображавшая всем известное событие и известные лица и, быть может, имеющая отношение к содержанию этого номера, о чем скажем ниже. Объяснением карикатуры служит письмо к редакторам: «Мм. гг. Я уже послал в редакцию Момуса одно из произведений рисовального искусства моего приятеля Х... а... должен еще препроводить к вам, мм. гг., карикатуру, полученную мною от него при следующей записке: «Любезный друг! так как ты их корреспондент что ли, или фактор, или собиратель, или просто знакомец, или... уж бог тебя знает что... газеты Момус их издателей, то я посылаю к тебе картинку (п р и м е ч а н и е: он называет это карикатурою, хотя имя у журавля на лбу написано! Злодей... но кто эта сошка и прочие, сколько ни думал и не догадывался, не знаю). Ты верно догадываешься, для чего (?) не станешь держать ее у себя и любоваться ею (п р и м е ч а н и е: Злодей, злодей!..), а тотчас пошлешь к Момусу, — который с...». Здесь я должен прекратить выписку, ибо тут следуют слова, кои я решил не писать по весьма законной причине!.. Итак, исполняя желание моего приятеля, посылаю к вам карикатуру, с кою можете делать все, что вам угодно; но я однакож (признаюсь вам откровенно) желал бы лучше, чтобы вы ее порвали. Вы спросите: почему? Не скажу, мм. гг., ибо я не прошу вас об этом, а только желаю... N. N.»

Редакторы сделали примечание к этому письму: «Мы рвем только дурные стихи; дурную прозу жжем; а все хорошее гладим по головке. Ваши карикатуры так милы, что и на дурную рука не поднимется». ¹

¹ Воспроизведение этих карикатур см. в «Историческом Вестнике» 1904 г. № 4, стр. 209 и 213.

Когда пересматриваешь анекдоты Момуса, то приходишь к убеждению, что анекдоты и остроты современных нам юмористических листков совсем не далеко ушли от остроумия тридцатых годов прошлого века. Вот типичный образец остроты, которая варьируется на разные лады вплоть до нашего времени.

«В непродолжительном времени будет разыгрываться лотерея, состоящая из нижеследующих вещей: обруч с бочки Диогена, туфли Конфуция, соль Аристофановых комедий, несколько пены, из которой композировалась Венера, хохол Магомета, возок Демосфена, закупоренный в оловянную банку, последний вздох лорда Байрона, остов Шекспирова Духа, улыбка Ниноны Ланкло» и т. д.

Живее и интереснее всех этих произведений отдел, озаглавленный «Нравы». В первом номере в этом отделе помещен очерк «Первый день нового года», во втором — «День извозчика», в третьем — «Два разговора об одном предмете». Все эти очерки написаны недурно, легко и занимательно. Наше внимание привлекает главным образом третий очерк, на котором мы и остановимся подробнее.

III

«Два разговора об одном предмете» помещены в третьем номере «Момуса». Он появился в феврале 1831 года. Открывается он «Элегией», которую мы приведем целиком, потому что она, быть может, является комментарием к «Двум разговорам».

Мне предпочла она другого;
Другой прижмет ее к груди!..
Былое, возвратися снова
И сердцу счастье возврати!
Нет! невозвратно ... Боже! Боже!
Не мне судьба ее хранит:
Другой ей пояс в брачном ложе
От груди полной отрешит;
Она другого в час желанья
Рукой лилейной обовьет
И с стоном, с пламенным лобзаньем
Души любимцем назовет!..
А я? меня пожрет страданий пламень!..
Быть может, раннею весной
Гуляя с ним она отыщет камень —
Друзья! могильный камень мой...

Эраст Фаев.

2 января 1831.

Гранатный переулоч.

Вслед за этим стихотворением идут

ДВА РАЗГОВОРА ОБ ОДНОМ ПРЕДМЕТЕ.

(Лето. Бульвар. Фарсин подбегает к Иксину.)

ФАРСИН. Видел ли ты ее?

ИКСИН. Кого?

ФАРСИН. Профан! Ее: Надежду Изразцову?

ИКСИН. Видел. Что ж дальше?

ФАРСИН. Не правда ли, что она более, нежели божественна?

ИКСИН. Неправда. Она хороша и только.

ФАРСИН. Вандал! Готтентот! Можно ли так относиться о лучшем произведении природы! О перле всего прекрасного, существующего на этой уродливой глыбе! Самый идеал красоты не может стоять выше Надежды. Ежели этот идеал чужд твоего воображения, обратись к творениям Тициана, которыми он стяжал себе бессмертие; смотри на них... Впрочем они так далеки от совершенства: портреты кухарок, прачек... А моя Надежда? О! какое сравнение!

ИКСИН. Фарсин! Фарсин! Ты ли это? Что за энтузиазм! растолкуй ради бога!

ФАРСИН. Ты просишь многого, но так и быть: я люблю Надежду, — и она меня любит.

ИКСИН. А! теперь понимаю.

(Семейство Израздовых приближается; к ним подходит поэт Фузеин.)

ИКСИН. Фузеин знаком с Изразцовыми?

ФАРСИН. Да, они его принимают. И есть за что: он вчера читал новую свою поэму — чудо! Все поэты от Музея и до Мицкевича включительно ничто перед Фузеиным.

ИКСИН. Ежели ты решил импровизировать панегирики всем и каждому, то не забудь о добром Увыхалкине, который так много страдал от тебя!

ФАРСИН. Теперь не до него: спешу к ней. Прощай. (Уходя).
Ах, как она прекрасна!

(Зима. Гулянье на набережной. Фарсин и Иксин.)

ИКСИН. Вот и семейство Израздовых. Фузеин рядом с Надеждой. Правда ли, что он на ней женится?

ФАРСИН (протяжно). Говорят... (Со смехом.) Поддели молодца!..

ИКСИН. Как хочешь, думай обо мне, Фарсин, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественного в особе Надежды Петровны.

ФАРСИН. Признаюсь тебе, я сам тоже думаю.

ИКСИН. Например, что за глаза, что за колорит?

ФАРСИН. О! что до глаз так они просто косые; лицо же спорит с цветом светло-оранжевой шляпки ее возлюбленной сестрицы.

Иксин. Ну, а Фузеин-то — каков?

Фарсин. Сатир! Обезьяна!

Иксин. Зато любимец Феба.

Фарсин. Прочти-ка его новую трагедию, посвященную Израздовым, — не то заговоришь. Это — нелепость невиданная, неслыханная! Планы трагедий Сумарокова гораздо сноснее, версификации Тредьяковского благозвучнее.

(Налетевшая пара бешеных лошадей помешала разговаривать.)

Простодушный.

Место действия сценки — бульвар, конечно, Тверской бульвар — в то время самое популярное место гулянья в Москве. Московские обыватели встречали здесь нередко Пушкина, который пользовался большою известностью в Москве.

И. Щербаков в первый раз встретил Пушкина на Тверском бульваре. Памятную встречу он занес в памятную книжку: «Март. В субботу на Тверском [бульваре] я в первый раз увидел Пушкина; он туда пришел с Корсаковым, сел с несколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили советники Гражданской Палаты Зубков и Данзас, он подбежал к первому и сказал: «Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу». Зубков поцеловал его». ¹

В «Московском Калейдоскопе» — прибавлении к «Молве», подписанном в цензуре 21 апреля 1831 года, находим обширную статью о «Тверском бульваре». Статья — в прозе и стихах, с упоминанием о Пушкине. Вот стихи:

Здесь и педант учено-важный,
И франт паркетный записной,
Член клуба Англии вальяжный,
И член немецкого простой.

Здесь много милого, смешного:
Сюда, запрятав свой галун,
От душевной лекции Пустова
Пришел спастись студент-шалун.

Здесь и романтик полупьяный,
И классицизма вождь седой,
Певдом ругавшийся Татьяны
И сам певец с своей женой.

Здесь и торговка в душегрейке,
И дерзкий враль, и злой нахал,
И много пищи для статейки —
В уютный княжеский журнал.

Не трудно догадаться, кто действующие лица этой сцены. Порт Фузеин, — конечно, Пушкин; семья Израздовых — семья Гончаровых, и красавица Надежда Петровна, конечно, Наталья Николаевна Гончарова, которая стала женой поэта 18 февраля

¹ Пушкин — Ефремов — Суворин, т. VIII, стр. 111.

1831 года. Этот наивный разговор рисует нам ту атмосферу, в которой протекала девичья жизнь Гончаровой, атмосферу обычного еще накануне революции в провинции флирта, ухаживаний; показывает тот уровень, на котором находилась барышня Гончарова в тот момент, когда она готовилась стать на всю жизнь подругой великого поэта. «Соперниками» Пушкина были молодые студенты — обожатели Натальи Николаевны.

Известно, что у Пушкина с женитьбой дело не ладилось. Один раз, перед отъездом на Кавказ в мае 1829 года, Пушкин на свое предложение получил отказ. В начале марта 1830 г. Пушкин даже думал, что Гончарова совсем ушла от него: он спрашивал у Вяземского: «правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского?» 6 апреля на пасху Пушкин сделал новое предложение Н. Н. Гончаровой; на этот раз оно было принято. Но еще много неприятностей и огорчений пришлось пережить до женитьбы. Письма ярко рисуют положение Пушкина в 1830 году. Оставалось несколько дней до свадьбы, и вот что писал 16 февраля 1831 года из Москвы А. Я. Булгаков своему брату в Петербург... «В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходитя. Это скоро должно открыться. Середа — последний день, в который можно венчать. Невеста, сказывают, нездорова. Он был на бале у наших, отличался, танцовал, после ужина скрылся. — Где Пушкин? — я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: «Il a été donc ici toute la soirée, et maintenant il est allé trouver sa promise». Хорош визит в 5 часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась».¹

Слухи о том, что свадьба могла разойтись, имели основание, так как Пушкин за восемь дней до свадьбы, 10 февраля, писал из Москвы своему другу Н. И. Кривцову: «Я женат. Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся. Я поступаю, как люди, и, вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же, я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня. Они входят в мои домашние расчеты. — Всякая радость будет мне неожиданностию».

Очевидно, в отношениях Пушкина было уже мало страст-

¹ «Русск. Арх.», 1902 г., кн. I, стр. 52.

ности и влюбленности. Брак казался ему чем-то прозаическим. «Итак свершилась эта свадьба, которая так долго тянулась, — писал Булгаков 19 февраля. — Ну, да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову: быть ей *milady Byron*. Он пересказал Пушкину, который смеялся только. Он жене моей говорил на бале: «Пора мне остепениться, ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня». ¹ Впрочем, тот же Булгаков, побывав 27 февраля на балу Пушкина, выражается несколько мягче о супружеской жизни Пушкина: «Пушкин славный задал вчера бал — пишет он на другой день брату —. И он и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они, как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также танцовал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: *et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force*, говорил он. Ужин был славный: всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство». ²

Но возвратимся к любопытному разговору, помещенному в «Момусе». Кто же такой — Фарсин, оказавшийся счастливым соперником Пушкина? К сожалению, мы не можем ответить на этот вопрос. В письмах Пушкина найдутся некоторые намеки, которые можно связать с «Двумя разговорами об одном предмете».

В мае 1831 года Пушкин с молодой женой выехал из Москвы в Царское Село, а в декабре этого же года он один приехал в Москву. 10 декабря Пушкин рассказывал в письме к жене, как он провел предыдущий день: «Вечер провел дома, где нашел студента-дурака, твоего обожателя. Он поднес мне роман «Теодор и Розалия», в котором он описывает нашу историю. Умора! Все это, однако ж, не слишком забавно, и меня тянет в Петербург. Не люблю я твоей Москвы». Пушкину, очевидно, было неприятно вспоминать о студенте-обо-

¹ «Русск. Арх.», 1902 г., кн. I, стр. 54.

² «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 56. На другого очевидца жизнь Пушкина в первые недели после свадьбы произвела несколько иное впечатление. Вот что писал 16 марта 1831 года, по выезде из Москвы, Василий Иванович Туманский: «Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня со своею пригожею женою. Не воображайте, однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина беленькая, чистенькая девочка, с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна, а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка — о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды». В. И. Туманский. «Стихотворения и письма», под ред. С. Н. Бряжловского, СПб. 1912, стр. 310 — 311.

жателе. ¹ Такой роман нашелся. Полное его заглавие — «Неведомые Теодор и Розалия, или высочайшее наслаждение в браке. Нравоучительный роман, взятый из истинного происшествия». (М. 1832. Ценз. разр. 23 окт. 1831 г.). Сочинителем его оказался Федор Фоминский. Кто такой Фоминский, установить не удалось, но роман не единственное его произведение, и он больше поэт, чем прозаик. Он печатал статьи в «Дамском журнале» князя Шаликова и выпустил даже целый сборник: «Новая Аглай или юные чувства души и сердца». (М. 1831. Ценз. разр. 23 сент. 1831 года.) Поэт он никакой, его образец — сентиментальнейший Шаликов. Книжка стихов посвящена О. Л. Турчаниновой и Александре Николаевне Неведомой. Последняя и является предметом обожания.

Фантазия своей мечтой
Всечасно сердцу создала
Небесной милой образ твой,
Которые душа жаждала.
Ее в природе я искал,
Но покушение зрел напрасным:
Лишь мысленно я к ней пылал,
Лишь сердце в тайне было страстным
Напрасно зрел я красоты,
Все сердце мрачным пребывало:
Но вдруг глазам явилась ты,
И сердце вдруг грустить престало!

А вот и «портрет красавицы», посвященный «Неведомой»:

Розы на щеке прелестной
Полной красою цветут,
Очи лазури небесной
Пламень любви лиют;
Зыблюща грудь белоснежна,
Всех вмещенье зараз,
Ангельски чувства и глас:
Вот твой портрет, любезна.

Книжка стихов свидетельствует о домогательствах, пока не получивших удовлетворения, а роман рисует венец сбывшихся надежд и необычайно счастливую жизнь в браке Неведомых Теодора и Розалии. Цель романа простодушно указана в предисловии автора.

«Приходите ко мне, благословенные мужья и жены, обретающие высокое наслаждение в браке! Да сопровождают меня опыты ваши по всем тем восхитительным зрелищам, кои я здесь для вас описать хочу. Вы увидите здесь упоенными

¹ Я не мог разыскать этого романа и только после появления моей статьи Ф. А. Витбергу удалось установить автора и найти роман. См. его статью «Предполагаемый литературный источник для биографии А. С. Пушкина» в «Пушкин и его современники» вып. II, стр. 50—64. Были и отдельные оттиски.

нектарною сладостью любящихся, если я точно то изображу, и тем умножите и усовершенствуете утехы ваши.

Я не намерен здесь (как иной мог бы подумать) распалать страстей; нет, сей призрак не есть души моей кумир. Любезные читатели, милые читательницы, дождитесь только до конца с терпением— и тогда увидите изящество и пользу сего начертания. Я буду восхищаться и в полной мере вознагражден буду за свой труд, если удастся мне иную мечтательную девицу, любви достойную, решившуюся по каким-нибудь побуждениям остаться на всегда в одиночестве, покорить ее приятной власти брака; или иного состаревающегося холостяка уклонить от его затей).

Роман состоит из четырех глав— первая в форме письма Теодора к Карлу— описание баца и встреча невесты; вторая — брак; третья— утехы отца и матери; величайшее удовольствие в браке; четвертая— жизнь холостого — письмо Карла к Теодору. Роман — на редкость пресное воспевание прелестей брачной жизни, безупречной и безукоризненной. Если, описывая безбрежно счастливую жизнь Теодора и Розалии, Фоминский думал, что он изображает нечто похожее на брак Пушкиных и этим изображением он угодит Пушкину, то можно представить возмущение Пушкина: и автор дураком оказался, и роман — уморным. Никаких иных точек соприкосновения с действительностью в романе Фоминского нет. Впрочем, может быть в романе Фоминского все начало от свадьбы, зрителем которой был Теодор: «С приезда моего— так начинается роман — в здешнюю столицу М. я никогда еще не бывал на свадьбах; надежда увидеть там что-либо необыкновенное, заставила меня с удовольствием согласиться на приглашение Г. К., который отдавал дочь свою в замужество. Бьет 8 пополудни и я прямо отправляюсь в церковь В..., где должноствовало происходить бракосочетание. Яркий свет пылал, проникая сквозь стекла, и отражался на бесчисленном множестве блестящих экипажей; народ на паперти столь сильно толпился, что мне стоило не малого труда пробраться в церковь; вложу и — изумляюсь от стечения множества моих знакомых. Под конец священного обряда один из зрителей, более мне знакомый, уприсял меня отправиться вместе с ним в дом невесты, дабы выгоднее видеть церемонию, происходящую в сем случае. Мы почти первые приехали, где уже отец и мать ожидали новобрачных. Я не успел еще взойти в залу, как вдруг раздался сильный стук карет; хозяин стал о дверях для приваия новобрачных и гостей, а я с прочими здесь присутствующими отошел немного в сторону и любовался сею приятною церемониею до конца оной. Гости все уселись по местам, музыка загрелела, величественный полонез зашумел и— все в движении. Польский утих; начались другие танцы». Но не был ли сам студент Фоминский свидетелем бракосочетания Пушкина в церкви Вознесенья? Тогда

только в этом описании и надо искать отражения действительности. Не лишнее упомянуть, что в романе есть и прямое обращение к Пушкину в следующей тираде: «Бесподобный автор Онегина! Ты превосходно изобразил Истомину, но живописующая кисть твоя должна упасть к ногам моей богини! Едва танцующие успели обойти первый круг, как Р..., бросив на меня взор, сделала такую улыбку, что я затрепетал от удовольствия; за сей последовала другая, и я чуть, чуть не закричал: умру от восхищения! Не вообразимы восторг, когда она, приближаясь ко мне, танцую поднесла милые пальчики к ангельским устам своим, напечатлевшим на оных поцелуй и послала ко мне, боже милосердный! Только теперь я чувствую какое неизреченное блаженство ожидает в будущей жизни! Какой смертный мог сравниться со мною, в благополучии? Нет! Молодой автор не с таким удовольствием видит еще в первый раз отпечатанным свое произведение».

В числе обожателей Натальи Николаевны был некий Давыдов; в письмах из Москвы к жене Пушкин не раз упоминает о нем. 16 декабря 1831 года он пишет жене: [Видел] я «твоего Давыдова — не женатого (утешься)». Любопытные сведения находим в письме Пушкина к жене от 25 сентября 1832 года: «Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февраля 18, была свадьба на Никитской, в приходе Вознесения [Пушкин говорит о своей свадьбе]. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть и пр. пр. Княжны Вяземские слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов, или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?» В письме от 27 сентября Пушкин опять вспоминает Давыдова: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник».

Мы не знаем, о каком Давыдове идет речь. Но на том найденном в бумагах Щербакова подписном листе на журналы, о котором мы говорили в начале статьи, среди подписей участников предприятия находятся подписи В. Давыдова и Сорохтина. Как раз эти имена мы встречаем в письме Пушкина. Является предположение, что ухаживатели и обожатели Гончаровой были как раз из кружка Щербакова. ¹

---

¹ И Б. Л. Модзалевский не установил этого Давыдова: «Какого Д. имеет в виду Пушкин, неизвестно... Несомненно одно — что это был какой-нибудь молодой богатый москвич, не из семьи Давыдовых, родственников Раевским или поэту партизану Денису Давыдову». — Письма Пушкина. Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 481.